

В.Г. Дацышен, Л.А. Кутилова

Китайцы в Приенисейской Сибири в конце 1910-х – 1920-е гг.: исследование регионального варианта общины мигрантов и уточнение концептуальных понятий

Рассматриваются особенности функционирования общины китайских мигрантов в Красноярске и Приенисейском крае в конце 1910-х – 1920-е гг., история которых представлена как региональный вариант общины мигрантов. Подчеркивается важность анализа конкретно-исторических обстоятельств функционирования общины. Характеристика общины китайских мигрантов дана в сравнении с классическим регионом китайского присутствия (Дальний Восток) и сибирскими территориями. Аргументируется непродуктивность анализа общины китайских мигрантов с точки зрения концепции диаспоры. Исследование основано на материалах региональных архивов, впервые вводимых в научный оборот.

Ключевые слова: Приенисейская Сибирь, китайские мигранты, региональный вариант общины мигрантов, концепция диаспор.

В 1990-е гг. тема диаспор прочно завоевала свое место в исследовательском пространстве, став на долгие годы предметом интереса историков, социологов, политологов, специалистов других гуманитарных сфер. Интерес к ней заставил обратиться как к теоретическому потенциалу концепции диаспор, так и к анализу конкретно-исторических условий функционирования сообществ, называемых диаспорами. Однако в ходе обсуждения довольно новой для российских гуманитариев темы обнаружилось большое количество разнотечений, отсутствие не просто общего понимания, что такое диаспора, но и принципиально разные подходы к анализу феномена, что спровоцировало серьезную междисциплинарную дискуссию [1; 2; 3; 4 и мн. др.]. Важную роль в раскрытии феномена сыграл русскоязычный научный журнал «Диаспоры», специально созданный для обсуждения всего многообразия проблем этого феномена и прояснения позиций исследователей, который начал выходить в 1999 г. (англоязычный журнал «Diaspora» с 1991 г.).

Отмечая разрастание миграционных потоков и то увеличивающееся влияние, которое они оказывают на ситуацию во всем мире, редакция журнала справедливо подчеркивала возрастание проблем диаспор, их важные политические последствия. Спустя годы подобные проблемы не только не утратили своей значимости, напротив, тема стала одной из самых сложных и актуальных в современном мире, где проблемы отношения к массовым миграциям, адаптации мигрантов в новом принимающем сообществе, конфликтов по этому поводу приобрели институциональный характер. В то же время отметим, что в исследовательском пространстве жаркие дискуссии давно прошли, поток публикаций уменьшился, тема, что называется, укоренилась, но мы по-прежнему сталкиваемся с неразработанностью концепции диаспор, с неопределенностью термина «диаспора», с его расширительным толкованием и употреблением. Причем не только в обыденной сфере, но и в научном дискурсе. Диаспорой продолжают называть и любые части этноса, оказавшиеся в силу разных причин вне пределов своего традиционного проживания, и национально-культурные общества, реализующие свою деятельность главным образом в фольклорной сфере, и землячества, и просто любые группы иноэтничного населения. Подразумевается при этом, что «диаспора» является социальным организмом, к которому принадлежат по факту этнической принадлежности. Иногда диаспора видится организованным сообществом, корпорацией, официально оформленной организацией с взаимными обязательствами и коллективной ответственностью. Термину пытаются придать даже правовое содержание. В общественном дискурсе именно в таком смысле любят использовать термин чиновники и журналисты, функционеры национально-культурных объединений, убежденные, что имеют право выступать от имени «диаспоры» и даже обладать властными полномочиями над ее членами. Таким образом, произошла экспансия термина в повседневную общественную жизнь.

Но зачастую и в общественных науках термин употребляется расширительно без связи с его теоретическим осмыслением, с разработкой концепции диаспор. Понимая, что не всегда стремление в ходе теоретических дискуссий придать термину универсальное содержание достигает цели, что многие другие термины функционируют в науке несмотря на разные значения, что мы используем их по умолчанию, подчеркиваем, что в таком случае обращение к термину диаспора требует концептуальных уточнений. В анализе ключевых проблем диаспороведения важным для авторов статьи является тезис о том, что наличие лиц одной национальности, которые живут вне пределов своего традиционного проживания – это еще не диаспора, а только условие для ее реализации. Общность может и не стать диаспорой. Диаспора – это прежде всего идущий снизу процесс адаптации членов сообщества к новым условиям жизни, позволяющий ощущать связь с родиной и одновременно успешно адаптироваться в новом окружении, поддерживать свою идентичность путем балансирования между «изменяться и сохраняться». В этом смысле определяющим является выбор жизненной стратегии на новом месте обитания.

У части гуманитариев, изучающих тему, сегодня сложилось представление о том, что феномен диаспоры определяется набором неких характеристик. Исследователи пытаются по-возможности полно, с их точки зрения, представить эти характеристики, набор которых доходит до шести или восьми. Часто подобного рода трактовки опираются на достижения зарубежной науки, например, на предложенную У. Сафраном классификацию диаспор [5; 6; 7; 8]. Это не попытка утвердить строгое правило, выявить

стройный комплекс характеристик, на соответствие которым надлежит проверять сообщества, но сам факт такого подхода устанавливает меру соответствия, придавая многим исследованиям характер измерений. Появилось большое число публикаций, в которых авторы пытались ответить на вопрос: состоялось ли сообщество как диаспора, анализируя его на соответствие комплексу характеристик.

Такого рода подход, на наш взгляд, является тупиковым с точки зрения эвристических возможностей науки, подчеркивая общее, типическое в функционировании сообществ, называемых диаспорами, он упускает из вида специфическое, то, что не укладывается в систему общепринятых координат, не соответствует идеальной модели. Подчеркнем, что даже считающаяся хрестоматийной европейская диаспора в разные эпохи в разных странах сильно отличалась и продолжает «отличаться друг от друга и по собственным характеристикам, и по положению в окружающем обществе» [9]. Кроме того, в современном мире диаспоральные сообщества постоянно меняются, по меткому выражению И. Д. Прохоровой, современные диаспоры напоминают «движущееся мишени», поскольку в условиях глобализации и возросшей мобильности людей приобретают все новые характеристики, например, с распространением новых возможностей онлайн-коммуникации в сети Интернет и т.п.

Для нас важно подчеркнуть специфические обстоятельства функционирования этнических общин, поскольку в ходе увлеченного обсуждения теоретических проблем концепции диаспор и стремления придать термину универсальное содержание проявился скепсис в отношении конкретно-исторических публикаций по проблеме диаспор. Однако есть смысл подчеркнуть именно эту работу исследователей – конкретно-исторические исследования по диаспоральной проблематике, раскрытие темы на примере той или иной конкретной диаспоры, которая в этом случае подвергается эссенциализации, их сравнительно-исторический анализ.

Прав В. Д. Попков, который подчеркивает, что изучение всей диаспоры «весьма затруднительно», поэтому важнейшей задачей для исследователя как раз является изучение той единицы диаспоры, которую можно «реально охватить и исследовать» [10], – общины диаспоры в ее региональных проявлениях. В таком варианте диаспороведения крайне важны подходы этнографии и антропологии, дисциплин, которые уже обладают опытом изучения локальных сообществ. В этой связи для нас важна позиция известного исследователя диаспор К. Батлер, которая считает, что важно определять диаспору именно этнографически и развивать эпистемологию диаспороведения путем сравнительного анализа разных «этнографий» [11]. Такой подход позволяет определить ключевые понятия diaspora studies, исходя из анализа конкретных случаев и ситуаций.

В контексте интереса к проблеме диаспор, начиная с 1990-х годов широко зазвучала тема китайской «диаспоры»; количество публикаций по ней просто огромно. При этом слово «диаспора» по отношению к китайскому сообществу в России недаром написано в кавычках, специфичность китайского сообщества заставляет исследователей-профессионалов с осторожностью применять его по отношению к китайцам в России, пользоваться более нейтральными словами и выражениями – китайская миграция, китайское сообщество, китайское присутствие. Такой подход не случаен, существование китайского сообщества в качестве диаспоры в нашей стране, как представляется, возможно лишь в перспективе; в исторической ретроспективе, да и в настоящее время это довольно специфический феномен. Задача предлагаемой работы – проанализировать на конкретно-историческом материале Приенисейской Сибири функционирование китайского сообщества в региональном контексте в первые годы советской власти, что предопределило изменение в положении китайского сообщества, а также соотнести феномен с теми смыслами и значениями, которые вкладываются в понятие диаспоры, стоят за этим термином; провести сравнительный-исторический анализ, используя материал как территории классического китайского присутствия - Дальнего Востока, - так и близких сибирских территорий, например, Томска и Томской губернии.

Источники. Важнейшими источниками для изучения истории китайской общины в Приенисейской Сибири являются архивные материалы, например, документы Енисейского Губотдела по делам национальностей, регистрационные листы, торговые патенты и др.; статистические материалы, в том числе данные разнообразных переписей; материалы региональной прессы и т. д. Как китайцев, так и всех других иностранцев Советская власть пыталась поставить под свой пристальный контроль. Так, в январе 1920 г. Подотдел по делам иностранных подданных Енисейского Ревкома должен был произвести учет всех иностранцев, проживающих в пределах Енисейской губернии, для замены просроченных видов на жительство [12. Ф. Р-53. Оп. 1. Д. 24. Л. 17]. Для получения соответствующих документов китайцы заполняли «Регистрационный листок иностранного подданного, проживающего на территории РСФСР» из 23 пунктов, касающихся данных о личности заполнявших документ. Безусловно, эти листки сегодня - важнейшие источники для характеристики китайских мигрантов. Отметим, правда, что часть пунктов в них осталась не заполненной, как по причине невозможности проверить биографию приехавшего китайца, так и потому, что приехавшие из деревни крестьяне имели простую биографию. Другими важнейшими источниками для характеристики мигрантов являются разного рода удостоверения и справки, которые зачастую выполняли роль своеобразных паспортов, удостоверений личности для китайских мигрантов в 1920-е гг. Например, шаньдунец Го-шин-тян жил в Енисейской губернии по выданному в 1923 г. в Ново-Николаевске удостоверению Исполкома Союза китайских рабочих в Сибири [12. Ф. Р-49. Оп. 1. Д. 19. Л. 430]. Представление о составе китайской общины в Сибири можно составить также по документам на

получение торговых патентов. Перечисленные источники позволяют исследователям всесторонне изучать конкретно-исторические обстоятельства функционирования китайской общины в Приенисейской Сибири.

Исследование. География расселения китайских мигрантов в Приенисейской Сибири была довольно обширной. Кроме самого города Красноярска китайцы проживали в Канске, Минусинске, Ачинске, Енисейске; сведения о них отмечены в селах Курагино, Ужур, в Мининской волости, в частности на территории Бирюсинского участка. Китайские рабочие жили и работали на приисках по всей губернии, включая Урянхайский край. Кроме того, они проживали на станциях и строительных участках железной дороги, например, на станциях Бадаложная, Клюквенная, на дороге в районе станции Ужур. Подавляющее большинство китайцев в Приенисейской Сибири жили в городах. К категории сельского населения относилось лишь около четверти населения китайских мигрантов.

Данные о численности сообщества китайских мигрантов в регионе всегда были довольно приблизительными. Эта особенность статистики в отношении китайцев является характерной для регионов России в целом: и на Дальнем Востоке и в соседней Западной Сибири исследователи говорят о примерных цифрах, причем их разброс может быть очень большим. Е. И. Нестерова справедливо отмечает, что причина кроется и в специфических условиях существования китайских общин, и в маятниковом характере миграции, и в несовершенстве методов учета китайских мигрантов [13; 14]. Самы китайцы часто пользовались тем, что казались русским на одно лицо: передавали или продавали друг другу документы, жили по чужим или поддельным паспортам.

В годы гражданской войны численность китайцев в Приенисейской Сибири уменьшилась, но китайская община не исчезла. Переписью 1920 г. в Енисейской губернии было зафиксировано 223 китайца (все мужчины), данные повторялись в документах Енисейского Губотдела по делам национальностей за 1922 г. [15. Ф. 1. Оп. 1. Д. 955 Л. 4]. Томский исследователь К. К. Клипка пишет, что в Томской губернии ситуация была иной, многие китайцы с началом революционных событий попытались вернуться на родину, но значительная их часть по-сугубу «застряла» в Сибири, поэтому в Томске, например, в этот период китайское население постоянно увеличивалось [14. С. 163]. Статистические данные подтверждают факт того, что в Енисейской губернии китайцев в это время меньше, чем в соседних Иркутской (1865 чел.), Томской (446 чел.) и Новониколаевской (261 чел.) губерниях [16. С. 61].

В то же время надо подчеркнуть, что данные о численности китайцев в Приенисейской Сибири противоречивы. Так, в справке этого же года «Сведения о наличии граждан, проживающих на Урале и в Сибири до Иркутска» указано, что в губернском центре г. Красноярске проживает 40 китайских рабочих, 200 неработающих китайцев, 100 китайцев-красноармейцев и еще 70 других китайцев. Согласно этому документу в Ачинске зафиксировано 120 китайских рабочих и 200 неработающих китайцев; в Канске – 200 неработающих китайцев, в Енисейске – 70 китайских рабочих [17. Ф. 495. Оп. 154. Д. 17. Л. 28]. С такими же противоречиями в официальной статистике мы сталкиваемся при анализе данных на середину 1920-х гг. Всесоюзная перепись 1926 г. в Сибирском крае, в состав которого входила территория бывшей Енисейской губернии, зафиксировала 1409 советских китайцев и 2151 гражданина Китайской республики. Более всего советских китайцев проживало в Красноярском округе – 80 человек, но их число меньше, чем в других крупных городах Сибири – в Иркутске, Томске, Новосибирске. Китайских граждан в городе Красноярске было зафиксировано 64 человека [18. С. 12]. В статистических справочниках, ссылавшихся на перепись населения в 1926 г. для территории, вошедшей в Восточно-Сибирский край, указывались следующие цифры китайского присутствия: 8064 китайца или 0,31% всего населения края. В том числе по округам: Читинский – 4473 (1,16%); Сретенский – 2593 (1,27%); Иркутский – 505 (0,11%); Бурят-Монгольская АССР – 342 (0,07%); Красноярский – 80 (0,02%); Тулунский – 39 (0,02%); Канский – 30 [19. С. 14-15]. Таким образом, в Красноярске и в округах бывшей Енисейской губернии китайцев, как китайских, так и советских граждан, проживало не много, особенно в сравнении с соседними сибирскими и дальневосточными городами и округами. Так, описывая Владивосток, современники отмечали, что китайский компонент в городе доминировал. Экзотичность города заставляла воспринимать его как не совсем российский: русских жителей в нем совсем не было видно [14. С. 55-56]. В то же время отметим, что перепись 1926 г. учла далеко не всех китайцев в Сибири, подчеркнем еще раз, что точных данных о численности китайцев никогда не было ни по Приенисейской Сибири, ни по стране в целом.

Источники позволяют определить некоторые типические черты китайской общины в Приенисейской Сибири. Так, она состояла главным образом из холостых мужчин. Согласно данным переписи 1926 г. на 1360 советских китайцев-мужчин приходилось всего 49 советских китаянок, а на 2129 зарубежных китайцев имелось лишь 22 соотечественницы [18. С. 12]. Но даже из этого незначительного числа «китаянок» почти половина указали русский язык в качестве родного, вероятнее всего к категории «китаянок» при переписи причислили русских жен китайских мигрантов. Возраст китайцев, отмеченных в документах, поданных в конце 1921 г. с целью получения торговых патентов, составлял от 24 до 64 лет. Важным для нас является указание на то, что локальная община воспроизводилась исключительно за счет интенсивной миграции. Рассмотрим места выхода мигрантов. Примерно половина китайцев в Приенисейской Сибири в начале 1920-х гг. в анкетах указали в качестве места своего рождения город Чифу (современный Яньтай) провинции Шаньдун. Ближе к середине 1920-х гг. увеличивается доля выходцев из провинции Чжили (Хэбэй), лишь немногие китайцы в качестве места рождения указали Пекин, Тяньцзинь или Шанхай. В Красноярск они попадали главным образом через Маньчжурию и Иркутск, редко прибывали

из Тувы или из Монголии. Вполне вероятно, что Красноярск привлекал новых мигрантов из одних мест по причине укоренения в китайской среде традиций землячества, формированию которых способствовало разнообразие диалектов, региональных различий в бытовой культуре, групповая солидарность и взаимопомощь земляков в самом Китае.

Довольно часто китайцы останавливались в Сибири (будь то Красноярск или Томск) в рамках внутрироссийской миграции, отправляясь как с востока на запад, так и с запада на восток. Не удивительно поэтому, что в документах 1920-х гг. можно встретить разделение китайцев на «оседлых и бродячих» [20. С. 91]. Пути миграций могли быть различными, а вот поводом для переезда чаще всего служили поиски работы, надежды на более благоприятную ситуацию на новом месте жительства. Все перечисленные обстоятельства предопределили текущий состав группы китайских мигрантов в Приенисейской Сибири.

В Красноярске китайцы жили компактно на окраине города в районе реки Кача и железной дороги. Зачастую по одному адресу было зарегистрировано 2-5 человек, но, поскольку регистрировались далеко не все, вполне вероятно, что большая часть незарегистрированных китайцев проживала по тем же адресам. Подобная ситуация складывалась и в других городах края, например, в Канске. Однако своеобразной китайской слободы, обособленного китайского анклава, как скажем во Владивостоке или Хабаровске, в Красноярске не сложилось, вероятно, из-за малой численности и непостоянного состава общины. В годы Первой мировой войны после отмены ограничений на использование китайского труда увеличился поток трудовых мигрантов из Китая в Сибирь, исследователи именно в это время в некоторых городах (например, в Томске) отмечают стремление китайцев группироваться, селиться вблизи друг друга. Как представляется, связано это было и с общим увеличением числа китайцев в сибирских городах и с настороженностью коренных жителей, видевших в китайцах разведчиков и диверсантов, агентов немецкой пропаганды [21]. Однако такие районы компактного проживания китайцев в сибирских городах не идут ни в какое сравнение с китайскими слободками дальневосточных городов – Владивостока, Хабаровска, Никольска-Уссурийского.

В большинстве своем китайцы в Приенисейской Сибири занимались торговлей, причем с началом НЭПа не только китайцы-торговцы, но и бывшие чернорабочие, а также их русские жены более активно стали осваивать предпринимательство и торговлю. Важным занятием мелких китайских предпринимателей становится изготовление папирос и торговля ими. Многие китайцы имели постоянную мелочную торговлю бакалейными товарами на Ново-Базарной площади Красноярска. Так, в январе 1922 г. патент на торговлю табачными изделиями в городе Красноярске получили 12 китайцев, шесть китайских жен и одна вдова [12. Ф. Р-49. Оп. 1.Д. 197]. Среди них были как лица, за которыми не было признано иностранного подданства, так и китайские подданные. Подчеркнем при этом, что в Красноярске по документам не просматривается какой-либо клановости мелких предпринимателей и торговцев, в частности, торговые заведения открываются по разным адресам. С течением времени торговля становится главным видом деятельности для проживающих в регионе китайцев, особенно городских. Например, Тан Ванъи приехал в Красноярск в 1917 г. на заработки и работал здесь в качестве рабочего, но в 1924 г. в Минусинске он получил патент на мелочную торговлю 2-го разряда, указав в качестве профессии и социального происхождения торговлю. В документах, поданных в конце 1921 г. с целью получения торговых патентов, китайцы в подавляющем большинстве отметили, что приехали в Красноярск в качестве чернорабочих, но с течением времени основным видом деятельности для них становится торговля. Это обстоятельство подтверждают, например, справки, выданные Союзом китайских рабочих г. Красноярска в 1920-е гг. Хотя в уставе организации говорилось, что «в члены союза принимаются только трудящиеся (живущие личным трудом), рабочие фабрик и заводов, ремесленных предприятий, и также учащиеся», сохранившиеся в архивах справки от союза рабочих выданы исключительно торговцам.

Рассмотрим характер торговой деятельности. В первую очередь это сбыт товаров из Китая. Далее, сбыт изделий своего изготовления (например, папирос); занимались китайцы также посреднической торговлей. Тот же Тан Ванъи привозил из Минусинска в Красноярск шубы. Красноярская пресса отмечала сложные условия труда китайских мигрантов: «В папиронной Ян-Си-Кю работает 3 человека в полуподвальном помещении - грязном с недостаточным дневным светом. Предложено переменить помещение для мастерских на более подходящее» [22. 1923. 12 января]. Однако, подчеркнув данную тенденцию, отметим, что далеко не все китайцы в Енисейской губернии в годы НЭПа перешли в сферу торговли. Китайские рабочие встречались на строительстве Ачинск-Минусинской железной дороги, жили и работали на Знаменском стеклозаводе и на Черногорских каменноугольных копях, продолжая дореволюционную традицию. Например, на руднике «Богомдарованный» работали 350 китайцев. На Черногорских копях китайцы и корейцы в составляли 33,2% рабочих, на Ольховских золотых приисках тоже около трети рабочих, т.е. более ста человек, составляли китайцы [23. С. 482]. Среди проживавших в Приенисейской Сибири китайцев были представители и других занятий: повара, артисты, печники, слесари, столяры, кожевники, пимокаты, машинисты, прачки, матросы, лекари и др. Так, например, по временному удостоверению от Омского Губадмотдела в Енисейской губернии работал приехавший из Шаньдуна сапожный мастер Кэ-Вей-Чи [12. Ф. Р-49. Оп. 3. Д. 87. Л. 45]. Все перечисленные занятия довольно типичны для китайцев в других сибирских городах и регионах, в том же Томске, например, они торговали, содержали прачечные, часовые, швейные и обувные мастерские, занимались изготовлением и продажей папирос, искусственных цветов; отмечались случаи торговли вразнос по домам [14].

В среде китайских рабочих в 1920-е гг. в Приенисейской Сибири лишь немногие имели постоянное место работы и, соответственно, стабильный заработок, что сказывалось на материальном положении. Так, китаец Шан-Гуя перечислял: «...последнее время работал: с 1 января 1922 года по 24 ноября 1924 года на складе топлива ст. Купино. С сентября 1924 года по июнь 1925 года находился на заготовке дров для стеклозавода 13 борцов. И с 20 июня по 31 октября 1925 года состоял на работах Ач.-Минусинской ж.д. в качестве чернорабочего» [12. Ф. Р.-49. Оп. 3. Д. 90. Л. 259]. В милицейском акте за 1925 г. отмечалось: «у гражданина Ван-Лень-юй имущества никакого нет, кроме бедного носильного платья» [12. Ф. Р.-49. Оп. 3. Д. 87. Л. 55]. Об этом же говорит выданное «Удостоверение»: «Выдано настоящее гражданам Тян-шин, Фан-гуй-тян и Чи-ю-мин... в том, что согласно актам обследования их имущественного положения и основываясь на ряде свидетельских показаний видно, что указанные выше граждане никакого имущественного положения не имеют, в данный момент находятся в критическом положении на почве продолжительной безработицы» [12. Ф. Р.-49. Оп. 3. Д. 105. Л. 5]. В сопроводительных документах к заявлению проживавшего в Минусинске китайца Лю-Чун-Сан с просьбой о переходе в российское гражданство также отмечается его крайняя бедность: нет никакого имущества, кроме старой одежды [12. Ф. Р.-49. Оп. 3. Д. 87. Л. 159]. Непрятательность, неприхотливость, низкий уровень потребностей китайцев в России подчеркивают все исследователи, но в данном случае речь идет о настоящей нищете.

Отметим другие характеристики общины китайских мигрантов в Приенисейской Сибири. Почти все китайцы были выходцами из крестьянских семей. Согласно анкетам и регистрационным листкам почти все они были не грамотны, включая торговцев. Материалы переписи 1926 г. зафиксировали в Сибири в качестве грамотных всего 497 мужчин и 6 женщин из числа китайских мигрантов, в том числе по-китайски – 427 мужчин и 1 женщину [18. С. 12]. Большая часть китайцев, проживавших в Енисейской губернии, по документам были холостые, некоторые указывали, что имеют семью в Китае. Однако, начиная с начала XX в., растет число случаев вступления в брак китайцев с русскими женщинами. В Красноярске в это время лишь у одного китайца Лю Кинхай жена была не из России. Детей в смешанных браках обычно было по двое, что значительно меньше, чем в русских семьях. Тенденция увеличения смешанных браков, как представляется, была связана с убылью коренного мужского населения в ходе Первой мировой и гражданской войн. Не удивительно, что браки с русскими женщинами заключались как раз в период гражданской войны. Иногда женитьба на русской женщине была одной из главных причин для принятия китайцами православия, но большинство женатых китайцев в документах указывали себя буддистами или конфуцианцами. Православных китайцев по документам среди жителей региона удалось обнаружить около 10 человек.

Важнейшим обстоятельством существования китайского сообщества в Сибири было то, что здесь, как в России в целом, китайцы представляли себя только в качестве временных рабочих. Practически никто из китайских мигрантов, приехавших на заработки, не собирался оставаться здесь надолго. Большинству китайских мигрантов не нравилась Сибирь ни в природно-климатическом, ни в социально-бытовом отношениях. Разность культур и социально-экономические реалии эпохи не способствовали сближению двух народов. В этот период почти все китайцы сохраняли надежду на возвращение в Китай и не стремились ни оформить и структурировать свое сообщество в России, ни раствориться в русской среде. В России, в том числе в Приенисейской Сибири, они воспроизводили традиционный уклад жизни, существовали обособленно в качестве своеобразного анклава иной культурной традиции, сознательно противостояли влиянию принимающей стороны. Показательно, что китайцы не стремились принять российское гражданство даже в очень сложных для себя жизненных обстоятельствах. В архивных материалах Енисейской губернии почти нет документов, зафиксировавших желание какого-нибудь китайца принять российское гражданство, даже среди тех, кто уже был женат на русских и имел детей от русских женщин. Более того, русские жены китайцев числились китайскими поданными. Так, из 211 иностранцев, подавших до 23 мая 1924 г. заявление о переходе в российское гражданство, в Енисейской губернии было только два китайца - Ван Ин и Ван-Чао-Лин, - изъявивших такое желание. Согласно данным Комиссии по изучению племенного состава населения СССР и сопредельных стран 1925 г. «все китайцы Сибири как оседлые, так рабочие и бродячие являются подданными Китая» [20. С. 91]. (В действительности некоторые китайские мигранты все же приняли советское гражданство, но их было очень немного).

Отметим при этом, что в силу объективных причин в регионе не всегда реализовывались общероссийские тенденции. Например, известно, что в годы гражданской войны основная масса китайцев покинула территорию России. Однако в Приенисейском крае численность их уменьшилась не столь значительно. На этот факт, как уже говорилось, указывают томские исследователи в отношении Томской губернии и самого г. Томска [14. С. 163]. Данное обстоятельство было связано с удаленностью сибирских регионов от основных событий гражданской войны, а также с тем, что здесь скапливались массы китайцев, эвакуируемых из Европейской России. Проблема вывоза китайских рабочих из России стала одной из самых сложных в русско-китайских отношениях после революций 1917 г. Через Сибирь шли эшелоны с десятками тысяч китайских рабочих и членов их семей из Европейской России и Урала. Но в 1918 г. железная дорога на забайкальском участке границы была разрушена, уже в марте три эшелона с китайцами застряли на станции Даурия. Известия об этом оказывали влияние на безусловное желание китайцев покинуть Россию и Сибирь, в частности, приходилось корректировать свои планы возвращения на родину. С утверждением большевиков в Сибири число китайцев, пожелавших вернуться на родину, увеличилось. Но важным

фактором, тормозившим обратный миграционный поток из Приенисейской Сибири, была чрезвычайная бедность китайцев, китайцы попросту не имели достаточных средств, чтобы выехать на родину, кроме того многие из них уже в пути потеряли свои сбережения при обысках [17. Ф. 495. Оп. 154. Д. 44. Л. 159]. При наличии достаточных средств китайцы всегда стремились вернуться на родину даже из отдаленных от границы районов. Например, приехавший в Забайкалье в 1914 г. из Шаньдуна чернорабочий Чжан-Зын-Лу по прибытии в 1924 г. в Красноярск на вопрос в анкете, «желаете ли уехать из РСФСР», отвечал: «Когда будут деньги, поеду». В 1926 г. он действительно выехал из Сибири на родину [12. Ф. Р.-49. Оп. 2. Д. 52]. Таким образом, подавляющее большинство китайцев в СССР оставались гражданами Китая и не связывали свое будущее с Россией.

Ситуацию нестабильности, безнадежного настоящего и неясного будущего в китайской среде усугубляли реквизиции, от которых страдали в первую очередь торговцы. Центральные российские власти старались по возможности сохранять китайскую торговлю, но местные власти эти распоряжения не выполняли, а с восстановлением советской власти в Сибири реквизиции были возобновлены и расширены, поскольку политика «военного коммунизма» предполагала прямые конфискации товаров и имущества. Существовали специальные предписания Уполномоченного РСФСР по иностранным делам в Сибири и на Дальнем Востоке производить реквизиции «с присутствием представителей Китайского консульства» [24. Ф. Р-42. Оп. 1. Д. 304. Л. 20], но они не обеспечивали порядка в процедуре реквизиций. Политическая и экономическая нестабильность создавали условия для противоречий и конфликтов. Уже в 1920 г. встал вопрос о компенсации китайским торговцам за реквизиции: Сибирь нуждалась и в китайских товарах и в китайских торговцах. Не случайно власть весной 1920 г. распорядилась проводить обыски, осмотры и реквизиции у китайских граждан «только при наличии данных об умышленной спекуляции товарами и деньгами...» [12. Ф. Р.-53. Оп. 1. Д. 2. Л. 129].

Положение китайских граждан усугублялось тяжестью репрессий, которые обрушились на них уже в начале 1920-х. Так, в апреле 1920 г. Ачинским ЧК был арестован китаец Юй-фа, потом он был осужден на 1 год, отправлен в Красноярский концлагерь и стал первым китайским заключенным Красноярского концлагеря [12. Ф. Р.-1743. Оп. 1. Д. 813]. В августе 1920 г. повар Красноярского единого рабоче-крестьянского потребительного общества «Самодеятельность» Лю-шу-ха Владимир Александрович (Добровольский Иван Александрович) был обвинен в скопке колчаковских денег и посажен на 1 год в концлагерь по обвинению в агитации против советской власти [12. Ф. Р.-1743. Оп. 1. Д. 714. Л.1]. Однако большинство китайцев пострадало в силу отказа от работы и нарушений трудовой дисциплины. Отягчающим обстоятельством становился факт работы предприятия на армию, отказ от работы расценивался как «трудовое дезертирство». Нарушителей заключали в концлагерь, но ежедневно под конвоем отправляли на работу, после работы возвращали в лагерь. Довольно часто китайцев отправляли на самые грязные, например, ассенизационные работы [12. Ф. Р.-1743. Оп. 1. Д. 219. Л.1]. В Первом красноярском концлагере за время его существования в 1920-1922 гг. побывало около ста китайцев, что составило более трети официально учтенных в Енисейской губернии китайских мигрантов. Даже с учетом привезенных в концлагерь заключенных из других районов Забайкалья, Прибайкалья и Европейской России это довольно высокий процент. Лишенные свободы китайцы часто не знали, за что они наказаны, некоторые попросту бежали из лагеря.

Обособленность своей жизни и свой параллельный мир китайцы в Приенисейской Сибири смогли сохранить даже в бурные годы революции и гражданской войны. Их община в Енисейской губернии вообще не приняла заметного участия в событиях революции и гражданской войны. Лишь изредка китайские имена встречаются в числе тех, кто служил или работал у красных. Например, в списке команды парохода «Иртыш», сопровождавшей членов Егубисполкома Советов в низовья Енисея в 1918 г., числился кочегар Ти-усуй-сян [12. Ф. Р.-1763. Оп. 1. Д. 68]. В составе подразделений белой армии китайских формирований в регионе не было. Но отдельные китайцы, военнопленные колчаковцы или бывшие семеновцы, встречались среди заключенных в Первом Красноярском концлагере [12. Ф. Р.-1743. Оп. 1. Д. 177]. Для Востока России это скорее исключение, поскольку на Дальнем Востоке и в Забайкалье китайцы служили как в войсках атамана Г.М. Семенова, так и в составе китайско-корейского батальона 5-ой Армии. Так, например, в политотделе этой армии заместителем Я. Гашека был китаец Чжан Чжэнхай. На Восточном фронте воевал Отдельный (Образцовый) Китайский полк в составе 1-й Интернациональной коммунистической дивизии. В Иркутске в 1920 г. была сформирована 3-я Сибирская стрелковая дивизия, начальником которой стал красный командир А.Н. Сунфу, сын китайского мигранта и воспитанник Петроградского университета. В ее составе были китайцы из Екатеринбурга, Омска, Новониколаевска, Тюмени. Осуществляя набор в Красноярске, Сунфу отмечал, что среди китайцев почти нет боеспособных солдат. Напротив, те, кто желают поступить в Красную Армию «...представляют из себя негодный и даже вредный элемент ... Здесь и спекулянты и морфинисты, опиисты... и проч. подонки и отбросы контр-революционного элемента...». По мнению Сунфу, сознательных коммунистов среди китайцев практически нет: «Идейных же и тех коим мог бы я оказать доверие – это два-три человека» [17. Ф. 495. Оп. 154. Д. 44. Л. 6-8]. В последующем китайские части были расформированы, сами же немногочисленные китайцы, вовлеченные политическим водоворотом в события российской революции и гражданской войны, остались служить в Красной Армии или в карательно-правоохранительных органах советской власти.

Отношение власти к проблеме специфики китайских сообществ после революции претерпело определенную эволюцию. Вначале новой властью была воспринята идея «китайского самоуправления». Главным инструментом и организационной структурой, через которую большевики намеривались оказывать влияние и управлять китайской массой в России, в том числе в Сибири, был созданный в Петрограде в 1918 г. Союз китайских рабочих (СКР). Он должен был стать учреждением, представляющим интересы китайских граждан в России, ему были предоставлены широкие права юридической защиты китайцев [17. Ф. 495. Оп. 154. Д. 48. Л. 24]. С восстановлением советской власти в Сибири во всех крупных городах стали учреждаться отделения СКР. В параграфе № 1 «Устава Союза китайских рабочих г. Красноярска», который был утвержден в феврале 1925 г., говорилось: «Союз Китайских рабочих в г. Красноярске организуется в целях сплочения и защиты и оказания китайским рабочим поддержки в отношении их законных прав и интересов в Советской России и для содействия в нравственном и культурном развитии своих членов» [12. Ф. Р.-49. Оп. 1. Д. 22. Л.8]. Очевидно, что эта организация была призвана не только выполнять функции учета и защиты интересов китайцев, проживающих в России, сколько должна была вовлечь обособленно существовавшую китайскую общину в советскую систему. Однако вовлечь существующих в параллельном мире китайцев с их устоявшимся стилем жизни в строительство нового общества не получалось, несмотря на все усилия советской власти. В Красноярске вообще не было отмечено случаев активного участия китайцев в партийно-политической работе. Например, в июне 1920 г. Енисейский губком принял решение открыть кратковременные курсы подготовки к советской и партийной работе. На курсы направлялись и представители китайской группы. Но возникла проблема: в Енисейской губернии не имелось ответственных руководителей, владевших восточными языками. Документы сохранили имена лишь двух китайцев, состоявших в РКП(б) в Красноярске, В феврале 1921 г. не получилось отправить представителей китайской общины Красноярска для обучения в Московский восточный институт, поскольку кандидатур не было вообще. Кстати, в инструкции по поводу отбора кандидатов высказывались опасения, что китайцы могут воспользоваться возможностью поехать в Москву не для повышения партийно-политического уровня, а «в корыстных и спекулятивных целях» [12. Ф. Р.-1. Оп. 1. Д. 176. Л. 1]. Реализовать поставленные политические и государственные задачи по вовлечению китайцев в строительство новой жизни через структуры СКР не удалось, не удивительно, что впоследствии Союз был обвинен в том, что власть в нем «захватили контрреволюционеры, истребившие коммунистов». Партийным органам рекомендовалось отказать в поддержке «Союзу» [25. С. 108].

С упрочнением советской власти в 1920-х гг. центральные и местные органы решили отказаться от прежней традиции опоры на «китайское самоуправление» и взять под свой контроль существующие независимо китайские общины. Ставилась новая задача «вовлекать китайских рабочих в советские профсоюзы». Функции надзора за китайцами были переданы советским государственным и профсоюзовым органам. «Союз китайских рабочих в СССР» к середине 1920-х гг. прекратил свою деятельность. Некоторые его функции взяло на себя созданное в сентябре 1924 г. общество «Руки прочь от Китая!», которое оказывало содействие советским китайцам в проведении политической и культурно-просветительной работы, осуществляло материальное и техническое обеспечение издания в Москве китайской газеты «Вперед». В 1927 г. был образован особый институт восточных инспекторов труда в Благовещенске, Владивостоке, Чите. Власти старались следить за соблюдением прав китайских рабочих, санитарных норм труда и проживания. Несмотря на то, что подавляющее большинство китайцев в России оставались гражданами Китая, руководство СССР уделяли им большое внимание, поскольку жившие среди русского населения рабочие и торговцы по-прежнему очень мало были связаны с местной культурой и властью. Китайских мигрантов стали привлекать к обучению в губернских совпартшколах, отмечая, что работать с ними трудно: «нет работников, знающих китайский язык, а русский язык не понимают китайцы» [22. 1925. 6 октября]. Подобная ситуация серьезно ограничивала возможности партийно-советской работы среди китайцев, вовлечения их в советское строительство. Внимание к партийно-политической работе среди китайцев усилилось после «переворота Чан Кайши» и фактического разрыва между правительствами двух стран. Советская власть стала проводить политико-пропагандистскую работу среди китайских рабочих с целью помочь «нарастанию революции в Китае». Однако несмотря на возросшие усилия власти китайцев-коммунистов в сибирских городах по-прежнему почти не было. Представители китайской общины продолжали вести замкнутый образ жизни, дистанцируясь от российских политических реалий. Практически все китайцы в анкетах отмечали, что не состоят ни в каких партиях, профсоюзах или общественных организациях. О том, что китайские рабочие сторонились профсоюзов в 1920-е гг., пишет исследователь О.В. Залесская, анализируя ситуацию на Дальнем Востоке: «Вступление китайских рабочих в профсоюзы шло медленно» [26]. Среди сотен документов, касающихся китайцев Енисейской губернии, лишь один китаец, и то в графе «национальность», в 1925 г. написал «партайный». Интересно в этом плане личное дело китайца А.П. Сы-юн-гау. Этот китаец написал в 1924 г. в Минусинский уком РКП (б), что желает завязать связь с китайской секцией Сиббюро ЦК РКП(б) и получать литературу на китайском языке. Но в протоколе Бюро Минкуома РКП(б) от 6 мая 1925 г. отмечалось: «На принятого в кандидаты РКП(б) рабочего Артемовского Рудника – Сы-Юн-Гау пришла карточка, но Сы-Юн-Гау на руднике не оказалось, он оттуда выехал в Минусинск спекулировать. По наведенным справкам он не состоит на учете ни в одной ячейке, ни в милиции» » [12. Ф. П. - 1. Оп. 2. Д. 3753. Л. 3, 13]. Целью вступления в партию для большинства китайцев, очевидно, было повышение своего социального статуса и, возможно, экономического положения

в новых условиях. Вероятно, это могло рассматриваться в качестве средства для возвращения на родину. Когда данная цель не достигалась, китайцы порывали с партийными организациями. Таким образом, китайцы в Приенисейской Сибири играли незначительную роль в политической жизни региона на ее переломном этапе. Китайцам были чужды политические события в России, и если некоторая часть этой общины проявила активность, то лишь с целью собственного выживания.

Резюмируем вышеизложенное. Подчеркнем сложность изучения всего многообразия китайского присутствия в России, что делает актуальной и результативной задачу анализа жизнедеятельности общин китайских мигрантов в ее региональных вариантах. Это утверждение тем более справедливо по отношению к китайским общинам в России, поскольку каждая из них демонстрирует собственный специфический опыт существования в новой для себя среде, и опыт китайцев в российском Владивостоке отличен от опыта общины в Красноярске или Томске. В то же время они являются фрагментами сети разветвленной китайской коммуникации в России. Контакты между разными китайскими общинами очень активны, но этот факт в нашем случае лишь подчеркивает текучесть группы китайских мигрантов в Приенисейской Сибири и значимость ее воспроизводства через внешнюю и внутреннюю миграцию.

Основу китайских общин безусловно составляет этническая идентичность их членов, преобладание общих видов деятельности, таких как предпринимательство и торговля. Однако этих признаков явно не достаточно, чтобы превратить общину китайцев в России в общину диаспоры. Ведь наряду с перечисленными существуют и другие факторы – прочность связей с родиной, огромная культурная дистанция между китайской общиной и принимающим сообществом, жизнестойкость китайского традиционного уклада жизни, социальных связей разного характера. Из проживающих в конце 1910-х-1920-е гг. в Красноярске китайцев практически никто не связывает свое будущее с Россией, напротив, они стремятся вернуться на родину, и лишь отсутствие средств и возможностей в условиях бурных потрясений в России не дает возможности это сделать. Все исследователи подчеркивают эту отличительную особенность китайской идентичности, проявляющуюся «в силе кровного родства, привязанности каждого нового поколения к месту рождения предков, рода» [27. С. 117].

Характерной чертой китайской общины является ее замкнутость, существование как бы в параллельном мире, в рамках большой дистанции от принимающего сообщества. Отсутствие естественного воспроизводства общины (дети появляются в основном в смешанных браках) подчеркивает тот факт, что китайцы не собираются здесь укореняться. Община воспроизводится только за счет миграций. В их сообществе в Красноярске не удалось выявить ядра и институциональных учреждений, по крайней мере по архивным документам нет возможности подтвердить их существование.

В то же время это не означает, что нет институциональных связей вообще, напротив, многие из них неформального характера были перенесены из Китая на российскую почву. Об организованной китайской преступности в Приенисейской Сибири, которая в нашем случае выступает ярким примером институциональных связей неформального характера, рассказывают уникальные документы Минусинского городского архива [28. Ф. 369. Оп.1. Д. 9]. В них речь идет о появлении в регионе хорошо вооруженной дерзкой банды китайцев. Так, в Красноярске в 1925 г. она отметилась несколькими убийствами. Был убит, в том числе, помогавший в раскрытии преступлений переводчик-китаец, работавший при Красноярском губотделе ОГПУ. Преступная сеть промышляла вымогательствами, разбоями, убийствами не только в губернском центре, но и в Минусинске, Абакане, Каратузе. Район деятельности китайской банды включал в себя и соседние с Приенисейским краем регионы. Милиции было известно, что бандиты укрывались в Иркутске, задержания проводились также в Томской губернии на станциях Тайга и Болотная. Раскрыть преступную сеть было довольно сложно, поскольку террор со стороны китайской преступности лишил правоохранительные органы агентуры в китайской среде. Так, вслед за китайским переводчиком был убит еще один китаец как раз за то, что допрашивался следователем в качестве свидетеля [28. Ф. 369. Оп. 1. Д. 9. Л. 39 об.] Китайские преступники имели возможность использовать в своих интересах то обстоятельство, что для большинства русских они «все были на одно лицо». Например, в архиве сохранились донесения китайских агентов, в которых описывались случаи обмена документами между китайскими преступниками, бегства из тюрьмы по чужим документам; преступники «подменяли» сидящих в тюрьме соотечественников своими же согражданами и т.д. В ходе следствия выяснилось, что банды были пронизана тесными связями практически со всей китайской общиной: очень часто было не ясно, кого считать преступниками, а кого – потерпевшими. Банда была ликвидирована только в 1926 г. В «Выписке из агентурного дела № 76/А-1925 г. о китайской уголовной банде, оперирующей по Сибири» от 25 февраля 1926 г. были перечислены 14 убитых китайцев и 20 китайцев названы убийцами или подозреваемыми в убийстве. Получалось, что численность китайских бандитов вместе с их жертвами составляла почти половину от общей численности формально учтенных китайских мигрантов в регионе. Для нас важно, что преступная группа стала механизмом взаимодействия членов китайской общины. Эта история организованной китайской преступности в Приенисейской Сибири подтверждает вывод исследователей о существовании в китайской среде практически всегда неформальной институциализации [29. С. 116], причем в нашем случае не профессионального (по виду деятельности) или земляческого (по региону выхода в Китай), а преступного характера.

Мы рассмотрели на конкретном историческом материале особенности функционирования китайской общины в рамках одного региона - Приенисейской Сибири - в конце 1910-х-1920-е гг. Наши

выводы касаются части группы, ограниченной регионом расселения, и подтверждают гетерогенность китайских общин в России. Китайцы в Сибири не всегда воспроизводят поведение в классическом очаге китайского присутствия - на Дальнем Востоке. В то же время, являясь специфическим феноменом в рамках общероссийских реалий, отличаясь по регионам, китайские общины вполне могут быть типологизированы, например, с точки зрения перспектив своего существования в России. Китайцы в Сибири демонстрируют противоречивое сочетание разных стратегий временного приспособления к новым условиям проживания. Они поддерживают свой образ, стиль жизни и традиции в другом окружении, но в то же время подстраиваются под новые для них условия жизни, не конфликтую там, где нет необходимости и где чувствуют силу власти. Существование преступной группы в нашем случае - это способ коммуникации внутри общин, один из элементов традиционного уклада и социальных отношений. Важным моментом характеристики общин является характер ее связей с общественными движениями, партиями и властью. Китайская община в Приенисейской Сибири не проявила желания участвовать в политической жизни региона и оказывать влияние на его властные структуры. Таким образом, внимательный анализ конкретно-исторических обстоятельств функционирования китайской общины в Приенисейской Сибири не позволяет описывать ее в категориях диаспоры и говорить об общине диаспоры. Сегодня китайцы существуют в регионе в других условиях и демонстрируют иные жизненные стратегии, результатом которых вполне может стать формирование диаспоры, но это предмет другого исследования.

ЛИТЕРАТУРА

1. Тощенко Ж.Т., Чаптыкова Т.И. Диаспора как объект социологического исследования // Социс. 1996. № 12. С. 33–42.
2. Арутюнов С.А. Диаспора – это процесс // Этнографическое обозрение. М., 2000. № 2. С. 74–78.
3. Попков В.Д. «Классические» диаспоры: к вопросу о дефиниции термина // Диаспоры. М., 2002. № 1. С. 6–22.
4. Тишков В.А. Исторический феномен диаспоры / Национальные диаспоры в России и за рубежом в XIX–XX вв. Сб. ст. под ред. Ю.А. Полякова и Г.Я. Тарле. М., 2001. С. 9–44.
5. Сафран У. Сравнительный анализ диаспор. Размышления о книге Робина Коэна «Мировые диаспоры»// Диаспоры. 2004. № 4. С. 138–139.
6. Теория диаспор глазами отцов-основателей. Интервью с Уильямом Сафраном, Робином Коэном и Йосси Шайном // Новое литературное обозрение. 2014. № 127. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.nlobooks.ru/node/5149>. Дата обращения 01.08.2017.
7. Кондратьева Т.С. Диаспоры в современном мире: эволюция явления и понятия // Перспективы. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.perspektivy.info/book/diasporы_v_sovremennom_mire_evolucija_javlenija_i_ponatija_2010-02-27.htm. Дата обращения: 08.08.2017.
8. Попков В.Д. Некоторые основания для типологии диаспор. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://lib.socio.msu.ru/l/library?e=d-000-00---Okongress>. Дата обращения 02.08.2017.
9. Арутюнов С.А., Козлов С.Я. Диаспоры: скрытая угроза или дополнительный ресурс // Независимая газета. 2005. 23 ноября.
10. Попков В.Д. Диаспоральная община – модель отношений этнических мигрантов с принимающим сообществом // Новое литературное обозрение. 2014. № 127. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.nlobooks.ru/node/5149>. Дата обращения 1.08.2017.
11. Третьяков В. Конец диаспор (Обзор журнала «Diaspora: A Journal of Transnational Studies») // Новое литературное обозрение. 2014. № 127. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.nlobooks.ru/node/5150>. Дата обращения: 03.08.2017.
12. Государственный архив Красноярского края (ГАКК).
13. Нестерова Е.И. Атлантида городского масштаба: китайские кварталы в дальневосточных городах (конец XIX – начало XX в.) // Этнографическое обозрение. 2008. № 4. С. 44–57.
14. Клипка К.К. Китайцы в Томске в XIX – начале XX в. // Вестник Томского государственного университета. История. 2013. № 6 (26). С. 158–164.
15. Государственный архив Новосибирской области (ГАНО).
16. Годовые итоги на хозяйственно-политическом фронте Сибири 1922–1923 г. Новониколаевск: Сибревком, 1923.
17. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ).
18. Всесоюзная перепись населения 1926 г. Т. VI. Отд. 1. М.: ЦСУ СССР, 1928.
19. Восточно-Сибирский край. Плановая комиссия. Статистический сектор. Районы Восточно-Сибирского края в цифрах. Иркутск: Издание Крайгиза, 1930.
20. Объяснительная записка к этнографической карте Сибири // Труды комиссии по изучению племенного состава населения СССР и сопредельных стран. № 17. Л.: АН СССР, 1929.
21. Дацышен В.Г. Китайцы в Сибири и на Дальнем Востоке // Сибирская историческая энциклопедия. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://bsk.nios.ru/enciklovediya/kitacy-v-sibiri-i-na-dalnem-vostoke>. Дата обращения 25.07.2017. Дата обращения: 09.08.2017.

22. Красноярский рабочий.
23. История Хакасии. М.: Восточная литература, 1993.
24. Государственный архив Иркутской области (ГАИО).
25. Азаренко Ю.А. События на КВЖД и сибирские коммунисты // Проблемы истории местного управления Сибири XVII–XVIII вв.: Материалы науч. конф. Вып. II. Новосибирск, 1997.
26. Залесская О.В. Интеграция китайских трудящихся в социально-экономическую жизнь Дальнего Востока России (1920-1930-е гг.) // Научные проблемы гуманитарных исследований. 2009. № 4. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://elibrary.ru/item.asp?id=12981593>. Дата обращения 3.08.2017.
27. Гельбрас В. Китайские землячества в российских регионах // Диаспора. 2001. № 2-3.
28. Архив города Минусинска (АГМ).
29. Интеграция экономических мигрантов в регионах России. Формальные и неформальные практики / Науч. ред. Н.П. Рыжова. Иркутск: «Оттиск», 2009.

REFERENCES

1. Toshchenko ZH.T., CHaptykova T.I. Diaspora kak ob'ekt sociologicheskogo issledovaniya // Socis. 1996. № 12. S. 33–42.
2. Arutyunov S.A. Diaspora – ehto process // Etnograficheskoe obozrenie. M., 2000. № 2. S. 74–78.
3. Popkov V.D. «Klassicheskie» diasporы: k voprosu o definicii termina // Diaspora. M., 2002. № 1. S. 6–22.
4. Tishkov V.A. Istoricheskij fenomen diaspory / Nacional'nye diasporы v Rossii i za rubezhom v XIX-XX vv. Sb. st. pod red. YU.A. Polyakova i G.YA. Tarle. M., 2001. S. 9-44.
5. Safran U. Sravnitel'nyj analiz diaspor. Razmyshleniya o knige Robina Koehna «Mirovye diasporы»// Diaspora. 2004. № 4. S. 138–139.
6. Teoriya diaspor glazami otcov-osnovatelej. Interv'yu s Uil'yamom Safranom, Robinom Koehnom i Jossi SHainom // Novoe literaturnoe obozrenie. 2014. № 127. [Elektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: <http://www.nlobooks.ru/node/5149>. Data obrashcheniya 01.08.2017.
7. Kondrat'eva T.S. Diaspora v sovremenном mire: ehvoljuciya yavleniya i ponyatiya // Perspektivy. [Elektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: http://www.perspektivy.info/book/diaspora_v_sovremennom_mire_evolucija_javlenija_i_ponatija_2010-02-27.htm. Data obrashcheniya: 08.08.2017.
8. Popkov V.D. Nekotorye osnovaniya dlya tipologii diaspor. [EHlektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: <http://lib.socio.msu.ru/I/library?e=d-000-00---Okongress>. Data obrashcheniya 02.08.2017.
9. Arutyunov S.A., Kozlov S.YA. Diaspora: skrytaya ugroza ili dopolnitel'nyj resurs // Nezavisimaya gazeta. 2005. 23 noyabrya.
10. Popkov V.D. Diasporal'naya obshchina – model' otnoshenij etnicheskikh migrantov s prinimayushchim soobshchestvom // Novoe literaturnoe obozrenie. 2014. № 127. [EHlektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: <http://www.nlobooks.ru/node/5149>. Data obrashcheniya 1. 08. 2017.
11. Tret'yakov V. Konec diaspor (Obzor zhurnala «Diaspora: A Journal of Transnational Studies») // Novoe literaturnoe obozrenie. 2014. № 127. [EHlektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: <http://www.nlobooks.ru/node/5150>. Data obrashcheniya: 03. 08. 2017.
12. Gosudarstvennyj arhiv Krasnoyarskogo kraja (GAKK).
13. Nesterova E.I. Atlantida gorodskogo masshtaba: kitajskie kvartaly v dal'nevostochnyh gorodah (konec XIX - nachalo XX v.) // Etnograficheskoe obozrenie. 2008. № 4. S. 44-57.
14. Klipka K.K. Kitajcy v Tomске v XIX - nachale XX v. // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoariya. 2013. № 6 (26). S. 158-164.
15. Gosudarstvennyj arhiv Novosibirskoj oblasti (GANO).
16. Godovye itogi na hozyajstvenno-politicheskem fronte Sibiri 1922-1923 g. Novonikolaevsk: Sibrevkom, 1923.
17. Rossijskij gosudarstvennyj arhiv social'no-politicheskoy istorii (RGASPI).
18. Vsesoyuznaya perepis' naseleniya 1926 g. T.VI. Otd.1. M.: CSU SSSR, 1928.
19. Vostochno-Sibirskij kraj. Planovaya komissiya. Statisticheskij sektor. Rajony Vostochno-Sibirskogo kraja v cifrah. Irkutsk: Izdanie Krajgiza, 1930.
20. Ob"yasnitel'naya zapiska k etnograficheskoy karte Sibiri // Trudy komissii po izucheniyu plemennogo sostava naseleniya SSSR i sopredel'nyh stran. № 17. L.: AN SSSR, 1929.
21. Dacyshen V.G. Kitajcy v Sibiri i na Dal'nem Vostoke // Sibirskaya istoricheskaya ehnciklopediya. [EHlektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: <http://bsk.nios.ru/enciklopediya/kitajcy-v-sibiri-i-na-dalnem-vostoke>. Data obrashcheniya 25.07.2017. Data obrashcheniya: 09.08.2017.
22. Krasnoyarskij rabochij.
23. Istoariya Hakasii. M.: Vostochnaya literatura, 1993.
24. Gosudarstvennyj arhiv Irkutskoj oblasti (GAIO).
25. Azarenko YU.A. Sobytiya na KVZHD i sibirskie kommunisty // Problemy istorii mestnogo upravleniya Sibiri XVII–XVIII vv.: Materialy nauch. konf. Vyp. II. Novosibirsk, 1997.

26. Zalesskaya O.V. Integraciya kitajskih trudyashchihsya v social'no-ekonomiceskuyu zhizn' Dal'nego Vostoka Rossii (1920-1930-e gg.) // Nauchnye problemy gumanitarnykh issledovanij. 2009. № 4. [Elektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: <https://elibrary.ru/item.asp?id=12981593>. Data obrashcheniya 3.08.2017.
27. Gel'bras V. Kitajskie zemlyachestva v rossijskikh regionah // Diaspora. 2001. № 2-3.
28. Arhiv goroda Minusinska (AGM).
29. Integraciya ekonomicheskikh migrantov v regionakh Rossii. Formal'nye i neformal'nye praktiki / Nauch. red. N.P. Ryzhova. Irkutsk: «Ottisk», 2009.